

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДРАМА: ТРУД И ЛЕНЬ ХУДОЖНИКА В БЕЛАРУСИ

[Алексей Борисенко](#)

8/6/2020

0

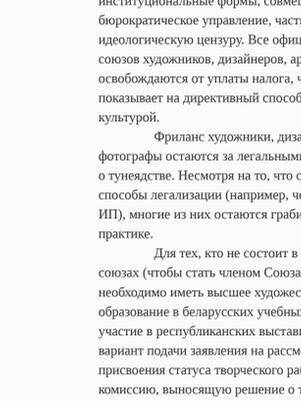
Работа всегда репрессивна. Она привязывает к месту, навязывает более или менее устойчивые отношения субординации, дисциплины и власти. В моей трудовой книжке есть единственная запись об официальном трудоустройстве – месяц на стройке в 17 лет. Так получилось, что путь академического образования – бакалавриат, первая и вторая магистратура – помог сформировать некоторую автономную от работы зону для самообразования, интересных для меня проектов, отдыха. С другой стороны, фриланс в культурном поле Беларуси также является сферой изощренной эксплуатации: написание статьи за 30 евро, большая коллективная выставка с новыми работами за 1200 евро, фестиваль за 180 американских долларов, бесплатная редаKTура, психологическая помощь и консультирование художников.

Введение закона о тунеядстве в 2015 году стало определенным порогом. К общему фонду эксплуатации добавились принуждение к работе: вернулась дисциплинарная рука, заставляющая трудоустроиться и забирать оплату из кармана, если ты отказываешься это делать. Она нежно следит за культурными работниками, за больными, нищими и анархистами. Формы контроля, не характерные для развитого капитализма, среди которых карточки налоговой службы, почтовые извещения, аресты, штрафы и, наконец, полицейское насилие над несогласными с законом. Естественно, что власть резниновой дубинки соседствует и переплетается с самодисциплиной, микрополитиками власти и экономическими механизмами общества развивающегося авторитарного капитализма.

1. ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛЕНЬ И ПРИНУЖДЕНИЕ К ТРУДУ

В своем незаконченном из-за лени важном тексте «Похвала Лени» хорватский художник Младен Стилинович пишет: «Лень – это отсутствие движения и мысли, это время бездействия – амнезия. Это еще и безразличие, взглядание в ничто, импотенция. Это и простое тупость, мука, бесполезное напряжение. Все эти добродетели лени важны для искусства. Знать о лени – это важно, ее надо практиковать и совершенствовать». Учась у капитализма и социализма, Стилинович говорит, что на Западе искусства больше нет: есть конкуренция, производство объектов, выставляющая система, иерархии. Восток (Восточная Европа) всегда же оставил зазор, в котором художник мог развернуть свою практику вне рынка и экспертизы. Текст Стилиновича – это не эстетизация и эссенциализация лени, но скорее характеристика места искусства в системе позднего социализма и во время переходного периода: неустойчивость его форм, отсутствие эквивалентности и формализованности экономических отношений. Это место кочегарных и сторожевых постов, которые захватывались интеллигенцией, чтобы освободить место для искусства и исследований, которые затем, впрочем, не будт конвертированы в экономический капитал. Контрпроизводительная сила работы. Эти «нужные» места труда были важны как элемент противостояния принуждению к труду, попытка обойти идеологические ритуалы, вырвать часы времени, свободного от «общественного полезного труда», санкционированного государством. Закон об обязательном трудоустройстве «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», принятый в 1961 году, выполнял в первую очередь функцию идеологического контроля, что в 1980-х годах привело к формированию различных практик субверсии, ухода от принуждения к работе.

С падением Советского союза, принуждение к труду было интернализировано: работа стала нужной, чтобы не умереть от голода и бедности. С приходом западных фондов, лени стало еще меньше. Необходимо было повысить механизм работы западного культурного поля: строить карьеру, получать признание, работать над проектами. 2 апреля 2015 года в Беларуси вступил в силу Декрет № 3 президента республики Беларусь о введении налога на тунеядство (Декрет «О предупреждении социальной иждивенчества»). Декрет заключается в следующем: граждане, которые 183 дня были безработными, в течение календарного года должны заплатить налог в размере 20 базовых величин (на лето 2017 года – около 200 евро). По сути, старая форма принуждения к труду, но в новой идеологической оболочке и новых режимах экономической эксплуатации, вернулась на место.

Дарья Данилович. «Искусство труда» – occasion помощи пострадавшим от Декрета. Скриншот из видео.

Несмотря на то, что теме труда и лени художника в искусстве Восточной Европы всегда уделялось большое значение, в Беларуси по ряду причин эта тема только начинает занимать важное место. Сами экономические условия способствуют этому – отсутствие закона о фрилансе, криминализация зарубежного финансирования, невнятный статус культурной работы, отсутствие образования и частного капитала в сфере искусства.

В случае Беларуси 2010-х, этот закон был принят прежде всего в попытке найти деньги для бюджета во время экономического кризиса. Если декрет в первую очередь направлен на белорусов, работающих за границей и не уплачивающих налог в стране, то неожиданным образом директива проливает новый свет на социально-незащищенные виды труда: труд матери-домохозяйки, дешевый труд художника и фриланс-журналиста. По сути, закон является мощным инструментом контроля, а также показывает полную эрозию концепта «социального государства», столь активно эксплуатирующегося в лукашенковской Беларуси. Это своего рода авторитарная мера крайней экономии: социальная сфера не просто урезается как в неоллиберальных капитализмах, но вырывается из рук больших, нетрудоспособных и анархистов, и дисциплинирует всех остальных (хочешь получать «бесплатное» образование и медицину – работай!), полностью разваливая социальное государство и его в основе социал-демократическую идею социальной защищенности. Единственное отличие заключается в том, что, с введением этого закона, контроль работает не столько через уровень идеологии, сколько через экономику: не хочешь подчиниться – заплати!

На фоне крайне тяжелой экономической ситуации закон (его правоприменение началось спустя год, когда вступил новый налоговый цикл) вызвал одну из самых мощных волн гражданских социальных протестов, неафишированных с официальными политическими партиями или движениями. Сперва протесты проходили без вмешательства властей, однако уже с начала марта ОМОН начал задержание и разгоны. 15 марта в Минске прошел санкционированный марш против Декрета, после которого сотрудники ОМОНа в штатском задержали в общественном транспорте ехавших с акции анархистов, а также других пассажиров. Всех их, основываясь на лжесвидетельствах омоновцев, приговорили к административному аресту сроком от 12 до 15 суток. 24 марта количество задержанных превысило 300 человек, на десятки людей были наложены штрафы. Демонстрация 25 марта была фактически заблокирована властями: городской транспорт не останавливался в этой части города, милиция и ОМОН задержали практически всех прохожих, колонна анархистов была схвачена еще на подходе к месту проведения акции.

Выставка Максима Сарычева «Слепая Зона», которая прошла незадолго до этих событий, в феврале 2017 года, в минском выставочном пространстве ЦЭХ, была посвящена как раз этой теме: бессилию перед полицейским аппаратом, страху и паранойей перед возможным обыском и задержанием, психологическому и физическому насилию, которые были метафорически переданы через мрачные изображения искореженных рекламных щитов после шторма 2016 года, тревожные пейзажи и вырванные ямы, иллюстрации с изображением тел с наиболее уязвимыми местами для ударов. Неудивительно, что активистка, изображенная на одном из портретов серии, и в этот раз оказалась за решеткой.

2. ФРИЛАНС И СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ

В [интервью](#) немецкой художнице Хито Штейрель, Олег Фонарев, украинский разработчик и программист, приводит пример формирования глобальных экономических связей, используя понятие «инаршора» в противовес популярному «оффшора». В сфере информационных технологий, страны Восточной Европы стали играть место ауторсированного труда – компетентного, высокотехнологичного и дешевого. Неудивительно, что в самой близости реальных боевых действий также разрабатываются виртуальные военные симуляторы, компьютерные игры и 3Dграфика. Это характеристика одной из нескольких тенденций, определяющих восточно-европейские режимы труда и отдыха. Если работа программиста вытягивает уровень средней зарплаты к своему высокому горизонту, то работа культурного работника остается ее горизонтом нижним. Так, работа библиотекаря считается одной из самых низкооплачиваемых, такая ставка которой с учетом премий равняется 160 евро (на лето 2017 г.). Введение Декрета о тунеядстве стало катализатором обсуждения труда и статуса работы художника, как ее можно определять, оплачивать и защищать.

Если закон о предотвращении социального иждивенчества в Беларуси все-таки в первую очередь фокусируется на «черной» экономической деятельности, то именно в сфере культуры он вскрывает свои идеологические эффекты. Как художнику избежать уплаты налога на тунеядство?

Стать фрилансером, получить статус творческого работника, организовать фиктивную секту, совмещать художественную практику с другой официально зарегистрированной работой, стать членом официального союза художников, дизайнеров или архитекторов, учиться за границей, получить справку об инвалидности, уехать в деревню и получить разрешение колхоза на работу с землей, быть ремесленником.

Все эти формы ухода от налога практикуются и обсуждаются в художественной сфере. Поскольку средний уровень дохода художника является крайне низким, и отсутствует более-менее вменяемое законодательство о фрилансе, совмещение нескольких профессий (программиста и фотографа, дизайнера и художника) остается наиболее распространенным.

В Беларуси официальная политика Министерства культуры признает в первую очередь структуры, принципиально не изменившиеся с советского времени: например, Союз художников или Академию искусств. Очевидно, что во многом это происходит для поддержания уровня идеологического контроля. В то же время активно начали зарабатывать символический капитал частные корпорации или предприятия, основанные на олигархических деньгах, как например проекты Белгазпромбанка (дочернее предприятие «Газпрома») или «Дом Картина» (проект сбежавшего украинского олигарха Игоря Якубовича). Эти пересечения рождают гибридные институциональные формы, совмещающие бюрократическое управление, частный капитал и идеологическую цензуру. Все официальные члены союзов художников, дизайнеров, архитекторов освобождаются от уплаты налога, а как раз показывает на директивный способ управления культурой.

Фриланс художники, дизайнеры и фотографы остаются за легальными рамками закона о тунеядстве. Несмотря на то, что существуют способы легализации (например, через оформление ИП), многие из них остаются грабительскими на практике.

Для тех, кто не состоит в официальных союзах (чтобы стать членом Союза художников, необходимо иметь высшее художественное образование в белорусских учебных заведениях и участие в республиканских выставках), существует вариант подачи заявления на рассмотрение присвоения статуса свободного работника. В комиссию, выясняющую решение о том, является ли заявитель творческим работником, входят все те же бюрократы и главы официальных союзов. Возглавляет комиссию первый заместитель министра культуры. Так, экзотные случаи, когда музыканты, пишущие электронную музыку не получают сертификат из-за незнания партитур и нот; живопись художников может быть слишком абстрактна или недостаточно академична; заявитель не хватает рекомендаций и упоминаний в государственной прессе.

На сегодняшний день Декрет всего лишь заморожен на год, и неизвестно, что принесет следующая весна: движения протестов и низовой кооперации, реальный профсоюз культурных работников, платформы и новые формы кооперации? Или же, как это часто бывает, молчание, апатии, закрытость в своих студиях и мастерских.

3. СООБЩЕСТВА, ФИКТИВНЫЕ РЕЛИГИИ, ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДРАМА

Сложно сказать, что в истории белорусского искусства художники часто задавали вопросы, связанные с изменениями структур труда, условиями работы своего поля и экономики. В 2000-е Марина Напрушкіна разговаривала с городскими планировщиками и архитекторами, Александр Комаров сравнивал работу сибирских шахт и франкфуртской биржи, группа «Бергамот» во время перформанса кидала монеты в геральтику и выясляла статус художника. Более молодое поколение художников напрямую стало критиковать условия своей работы: художественную рутину и расхожие проблемы восточно-европейского искусства, такие как нехватка выставочных пространств, коррупция, неопитизм и консервативность художественного мейнстрима. Акции и суд против Восточного центра современных искусств Алексея Толстова, фотомонтажи Сергея Шаболова о фиктивном закрытии всех мест, связанных с искусством в Минске, его серия нелегальных лекций для студентов Академии искусств, запуск выставочного «Диплом» о критике системы художественного образования, работы Жанны Гладко, в которых она рассматривает защищающий и невидимый труд-заботу художницы и иерархию в художественной системе.

Группа еееff Дины Жук и Николая Спесивцева с самого начала своей практики интересовалась, как меняется труд в его современном цифровом нематериальном состоянии, как работает его автоматизация, соприкосновение его человеческой и не-человеческой стороны, интерфейс, алгоритм. Группа еееff является частью как «Работай Больше! Отдыхай Больше!», так и «Летучей Кооперации» – проектов, которые предложили новый взгляд на соотношение труда и отдыха после выхода Декрета о тунеядстве.

Серия мероприятий «Работай Больше! Отдыхай Больше!» была разработана с целью рефлексировать об опыте работы и отдыха, продуктивности и лени, интенсификации, смешения, взаимоприокновения разных трудовых режимов. Рабочую группу (Дина Жук, Николай Спесивцев, Оля Сосновская, Алексей Борисенко) интересовали вопросы не только условий работы художников и кураторов, но и дисциплина труда в целом. Задача проекта и приглашение к участию делали акцент на том, как меняется эта конфигурация, как работают классический завод и корпорация (например, «Беларуськалий»), выкачивающие ресурсы из земли, и новый тип экономики, которая выскачивает эмоциональные и когнитивные компетенции: ауторсинговый труд программистки, изматывающий труд активиста, репродуктивный труд женщины, отдых рейвера, отдых философа, отдых заводского рабочего. РБ! ОБ! – это прежде всего попытка изобрести пространство, в котором в разных дискурсивных и перформативных форматах можно обсудить эти сюжеты не только в рамках местного узкого культурного поля, но в более широкой восточно-европейской перспективе, где есть возможность пригласить друзей и коллег, создавая мощное, заряженное аффектом со-Участие, событие.

В 2016 году РБ!ОБ! было посвящено картографированию понятий, связанных с культурой позднего капитализма, аффектов работы и отдыха: лени, гедонизма, сверхпродуктивности, усталости, психологического стресса. В 2016 году группа художников «Летучая Кооперация» начала разрабатывать проект уклонения от Декрета о тунеядстве. При внимательном чтении текста Декрета группой было обнаружено, что от налога освобождаются «священнослужители, церковнослужители религиозной организации, участники (члены) монастыря, монашеской общины». Эта строка закона послужила разработкой фиктивного культа «Экзюкид». Для формирования культа, связанного со слетчей работой, была создана фиктивная секта со своей историей, ритуалами, местами культа и протоколами. В рамках выставки «Политика хрупкости» в галерее «На Шаболовке» (Москва) «Летучая Кооперация» приглашала посетителей стать прихожанами. Документы были сданы в налоговую, но, возможно, не были рассмотрены из-за пристановки действия Декрета. Организация культа – это в данном случае не нью-эйдж, спиритуалистическая практика, а выработка низовых форм кооперации и самоорганизации (один из главных концептуальных горизонтов ЛК), создание новых систем родства и дружбы.

Подобный квазирелигиозный ответ на Декрет о тунеядстве отсылает к постсоветской популярности мистических культов, воплощенных, например, в гипнозе и заговаривании воды, и к черной экономике – вкладам, финансовым пирамидам, спекуляциям. Видеофильм художницы Дарьи Данилович также основывается на этих феноменах: в серии видео фиктивная организация «Международный» заговаривает воду для «сохранения» от действия Декрета и вводит новую экономическую систему бартера трудовых дней, критикуя формальность статуса тунеядца. Формально этот статус может быть использован по отношению к лицу, которое работало меньше 183 дней в году.

Дарья Данилович. «Секта мистического иждивения от тунеядства. Заряд воды». Скриншот из видео.

В 2017 году РБ!ОБ! призвал посмотреть на процессы, развивающиеся на разных скоростях, и на их совместную работу, пересечения и потоки при помощи абстрактной машины «трансмиссии»: «воображаемого инструмента по управлению акселерацией, который предполагает соприкосновение шестеренок: тел, объектов, историй и аффектов». Термин «добывающий капитализм» (extractive capitalism), с которым работает исследовательница Саска Сассен в своей антропологической поэме «Expulsions» 2014 года, объясняет, как работает современный капитализм, и подводит под общий знаменатель различные процессы извлечения прибыли из земли и из тела. Новая фаза капитализма, более не связанная исключительно с модернистской продуктивностью, массовым потреблением и оборотом товаров, скорее представляет собой гигантский механизм извлечения ценности из человеческого и природы, с постепенным высасыванием всех возможных ресурсов, включая жизнь, психические и когнитивные способности, а также биосферу.

Так например, Владимир Грамович описывает ситуацию корпорации «Беларуськалий» и города Солігорска, построенного для добычи калия – основы процветания Республики Беларусь и миллиардов тонн калия, выкопанного в 2003 году. Используя риторический пример, художник предлагает заполнить эти образовавшиеся полости искусством в качестве корпоративных коллекций (примером которой является коллекция другой корпорации – Белгазпромбанка). С другой стороны, в рамках серии мероприятий обсуждалось тело как другая полость выкачивания и наполнения аффектом: в дискуссиях, посвященных эмоциональному труду (Ира Кудря) и эмоциональному выгоранию (Таня Сецко).

Лина Медведова и Максим Карпицкий организовали показ белорусского советского фильма начала 1980-х «Его отпуск», сюжет которого разворачивается вокруг рабочего-передовика Кораблева, который устанавливает, что причиной постоянных проблем с производством продукции являются некачественные детали смежников. Кораблев берет отпуск, едет в другой город на завод «Красный луг» и устраивается на работу, скрывая истинный мотив приезда. Он собирает перенаданные оборудование в цеху, где выпускаются детали для его родного завода.

Фильм вкладывается в такое жанровое обозначение как «производственная драма», и этот термин за рамками советского жанрового кино, мне кажется, может описывать многие из тех поверностей, которые деформируются под давлением добывающего капитализма. В целом, я бы предложил рассматривать эти художественные реакции на Декрет о тунеядстве как такого рода производственную драму, которая вскрывает и анализирует не только индустриальный труд, но и то, как психические, эмоциональные и когнитивные компетенции становятся частью того, что также было названо добывающей машиной капитализма в условиях авторитаризма в Беларуси.

«Это эссе было впервые опубликовано в [Hjärntorn nummer 132: Belarus/Sverige в 2018 году и отредактировано для публикации на Status Platform в июле 2020.](#)

ПРАВЯЩИЕ ИДЕОЛОГИИ

ПРОЕССОЦИАЛИЗМ ИЛИ СОВЕТСТВО

УСЛОВИЯ ТРУДА